

УДК 303.446.4(73/79)

DOI: 10.30914/2227-6874-2018-11-118-130

**Федеральные Программы международного образования
как элемент обеспечения национальной безопасности США***Л. П. Нелина*

В статье проводится анализ основных этапов становления Программ международного образования в качестве фундамента системы аналитического обеспечения внешнеполитической деятельности правительства США. Успешный запуск в СССР искусственного спутника Земли в 1957 г. обусловил установление консенсуса между Конгрессом США и президентом Д. Эйзенхауэром по вопросу тесной взаимосвязи сфер национальной безопасности и образования, который был воплощен в Законе «Об образовании в интересах национальной обороны» (NDEA) 1958 года. Раздел VI данного закона предусматривал создание ряда общенациональных программ, направленных, с одной стороны, на расширение сферы изучения иностранных языков (в первую очередь определенных правительством «критических языков») и на углубленное изучение культуры, экономики, истории, социально-политической сферы соответствующих данным языкам регионов мира – с другой. В 1961 году в соответствии с Законом Фулбрайта – Хейза программы Раздела VI NDEA были дополнены зарубежным компонентом, направленным на активизацию международного культурного, технического и образовательного обмена, в том числе в сфере изучения иностранных языков и региональных исследований. Указанные законодательные акты в целом сформировали основу Программ международного образования, которая в дальнейшем расширялась с учетом внешнеполитической и внешнеэкономической конъюнктуры. Значение данных программ заключается в обеспечении кадров, обладающих соответствующей языковой и регионоведческой подготовкой для различных структур государственной власти, бизнеса и международных общественных организаций. В долгосрочной перспективе Программы международного образования позволяют обеспечивать национальные интересы США в сфере национальной безопасности, сохранения конкурентоспособности на мировых рынках и научно-технического преимущества.

Ключевые слова: NDEA, Программы международного образования, программы Раздела VI / Фулбрайта – Хейза, «критические языки», высшее образование США, национальная безопасность США.

Для цитирования: *Нелина Л. П.* Федеральные Программы международного образования как элемент обеспечения национальной безопасности США // Запад – Восток. 2018. № 11. С. 118–130. DOI: 10.30914/2227-6874-2018-11-118-130

Теоретическая база науки о международных отношениях начинает формироваться в США после Второй мировой войны. Ее возникновение в первую очередь связано с практическими потребностями, реализация которых приводит к формированию во второй половине XX в. разветвленной системы аналитического обеспечения внешнеполитической деятельности правительства, как на уровне академического сообщества, так и на уровне независимых экспертных организаций («мозговых центров»). Если деятельность последних находит широкое отражение в работах отечественных исследователей, то вклад академического сообщества в международно-политическую науку и практику международных отношений остается малоизученным. Тем более не находят должного отражения обеспечивающие фундамент указанной системы Программы международного образования, учрежденные Разделом VI Закона «Об образовании в интересах национальной обороны» (National Defense Education Act, NDEA) 1958 года. Позднее, наряду с программами международных обменов по Закону «О взаимном образовательном и культурном обмене» (Mutual Educational and Cultural Exchange Act), известному также как Закон Фулбрайта – Хейза (Fulbright-Hays Act) данные программы были инкорпорированы в Закон «О высшем образовании» (Higher Education Act, HEA) 1965 года¹.

В отечественной литературе изучение аналитических структур, обеспечивающих реализацию внешней политики США, преимущественно сосредоточено на освещении деятельности так называемых «мозговых центров». Интерес к данной теме сформировался еще в советской историографии [4], и сегодня данное направление является достаточно широко изученным [1; 5; 12]. При этом изучение деятельности академических структур в контексте внешнеполитических приоритетов США пользуется гораздо меньшей популярностью среди российских исследователей [8; 10; 11]. Первой в России попыткой комплексного изучения опыта исследовательских университетов США как главного звена американской академической науки является коллективная монография сотрудников Института США и Канады РАН [3]. Частичное отражение в работах С. А. Запрягаева и Н. А. Павловой находят условия разработки программ Раздела VI и так называемый эффект спутника [2; 9]. Также затрагивались вопросы, связанные с реализацией положений Закона Фулбрайта – Хейза [13]. Отдельные аспекты функционирования национальных ресурсных центров – одной из программ раздела VI – ранее рассматривались автором [6; 7].

---

¹ Программы международного образования Раздела VI Закона «Об образовании в интересах национальной обороны» в полном объеме были включены в Закон «О высшем образовании» в результате внесения поправок к последнему в 1980 году.

Немногочисленной является и собственно американская историография данной проблемы. Комплексные же исследования содержания и эффективности программ носили эпизодический характер и были обусловлены дискуссиями по вопросу их целесообразности. Результаты данных экспертиз отражены в исследованиях Корпорации РЭНД [18; 19] 1980–1982 гг., Национального центра иностранных языков Мэрилендского университета [14] и Комитета по анализу программ Раздела VI Национального исследовательского совета 2006 года [15].

Несмотря на то, что организационная структура высшей школы США начала формироваться с XVIII в., до середины XX в. финансирование организаций высшего образования осуществлялось преимущественно за счет частных средств или за счет средств штатов. Вплоть до 1980 года не существовало и централизованной системы управления высшей школой, когда, объединив управления нескольких федеральных агентств, Департамент образования начал свою работу в качестве отдельного министерства¹.

В начале 1950-х годов политические и социальные изменения привели к распространению федерального финансирования на сферу высшего образования. Успешный запуск в СССР искусственного спутника Земли в 1957 г. вызвал в США общенациональную озабоченность необходимостью расширения поддержки науки и образования. Данный факт, с одной стороны, разрушал ощущение абсолютной неуязвимости США, а с другой – демонстрировал отставание американской науки. Следствием «эффекта спутника» становится установление консенсуса между Конгрессом и президентом Д. Эйзенхауэром по вопросу тесной взаимосвязи сфер национальной безопасности и образования, воплотившегося в Законе «Об образовании в интересах национальной обороны» (NDEA) 1958 года. Принятие данного закона было направлено на укрепление военно-технического потенциала США за счет роста ассигнований на развитие фундаментальных научных исследований в университетах и укрепления их материально-технической базы [2, с. 42].

Раздел VI NDEA был озаглавлен как «Языковое развитие» (“Language Development”) и состоял из двух частей: Часть А «Центры, исследования и изучение» (“Centers and Research and Studies”) и Часть В «Языковые курсы» (“Language Institutes”)².

Содержание Части А предусматривало реализацию трех направлений программы. Первое из них заключалось в создании центров для изучения современных иностранных языков, являющихся приоритетными для правительства,

---

¹ Решение об учреждении Департамента образования было принято Конгрессом в 1979 г., однако фактически он начал свою работу в мае 1980 года.

² Public Law 85-864. National Defense Education Act of 1958 // U. S. Government Publishing Office. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/STATUTE-72/pdf/STATUTE-72-Pg1580.pdf> (дата обращения: 19.06.2018).

бизнеса, промышленности и образования или же недостаточно изучаемых в США. Помимо изучения иностранных языков, данные центры должны были создавать условия для изучения других областей, «необходимых для полного понимания территорий, регионов и стран, в которых эти языки употребляются, включая такие отрасли, как история, политология, экономика, социология, география и антропология» (Sec. 601 (a)). Позднее данная программа конституировалась в Программу национальных ресурсных центров (National Resource Centers, NRC)¹ и реализуется до наших дней.

Второе направление предусматривало учреждение стипендий для преподавателей иностранных языков, желавших повысить свою квалификацию не только в уровне владения языком, но и в других областях, необходимых для полного понимания регионов употребления данных языков (Sec. 601 (b)). Это направление также сохраняется и реализуется в Стипендиальной программе по изучению иностранных языков и региональным исследованиям (Foreign Language and Area Studies Fellowship, FLAS)².

Содержание третьего направления сводилось к учреждению специальной программы по финансированию исследований и разработок по методике преподавания иностранных языков и регионоведческих дисциплин (Sec. 602). В настоящее время данное направление реализуется в рамках Программы международных исследований и образования (International Research and Studies, IRS)³.

Главной задачей Части В стало обеспечение повышения квалификации для учителей начальной и средней школы и учителей-инструкторов посредством организации регулярных или краткосрочных курсов по изучению иностранных языков (Sec. 611).

Таким образом, раздел VI NDEA придавал изучению иностранных языков статус национального приоритета. Специфической характеристикой иницилируемых им программ было создание системы научно-образовательных центров при университетах, специализировавшихся на комплексном изучении отдельных регионов и подготовке соответствующих специалистов, позднее распространившейся на все уровни образования – бакалавров (B. A.), магистров (M. A.) и докторов философии (PhD) в области изучения иностранных языков и зарубежного регионоведения.

Финансирование программ Раздела VI началось в 1959–1960 академическом году и составило 3,5 млн долларов, основная его часть была

---

¹ National Resource Centers Programm // U. S. Department of Education. URL: <https://www2.ed.gov/programs/iegpsnrc/index.html> (дата обращения: 19.06.2018).

² Foreign Language and Area Studies Fellowship Programm // U. S. Department of Education. Available at: <https://www2.ed.gov/programs/iegpsflasf/index.html> (дата обращения: 14.11.2018).

³ International Research and Studies Programm // U. S. Department of Education. URL: <https://www2.ed.gov/programs/iegpsirs/index.html> (дата обращения: 19.06.2018).

направлена на Программы международных исследований и образования (2,5 млн). В последующие годы финансирование программ расширялось, особенно в Части В. К 1963 году финансирование по программам Части А составило 7,25 млн долларов, а по Части В – 7,97 миллионов [16, р. 23].

В связи с запуском программ Раздела VI также был определен перечень так называемых «критических языков», изучение которых становилось приоритетным для правительства. В 1959 году все «критические языки» были разделены на три группы по степени приоритетности их изучения. В первую группу, требующую первостепенного внимания, были отнесены шесть языков: китайский, японский, арабский, хинди/урду, португальский, русский. Восемнадцать языков были отнесены в группу второстепенной приоритетности, и еще пятьдесят девять были выделены в группу наименьшей приоритетности [16, р. 23]. Подобное разделение свидетельствует и о важности соответствующих данным языкам регионов во внешнеполитической стратегии США рассматриваемого периода.

Новый этап в развитии программ раздел VI NDEA начинается в 1961 г., когда по инициативе сенатора Дж. Фулбрайта был принят Закон «О взаимном образовательном и культурном обмене» (Закон Фулбрайта – Хейза)¹, предусматривавший широкий спектр международного культурного, технического и образовательного обмена. Закон в том числе акцентировал внимание на усилении сфер изучения иностранных языков и региональных исследований в американской образовательной системе за счет международных обменов (Sec. 102(b)(6)). Специальным указом президента Дж. Кеннеди функции, предусмотренные пунктом 102(b)(6), были делегированы Департаменту здравоохранения, образования и социального благосостояния и инкорпорированы в раздел VI NDEA в качестве его зарубежного компонента. Реализация данного компонента предполагалась за счет запуска четырех программ:

- Докторантура за рубежом (Doctoral Dissertation Research Abroad, DDRA);
- Факультет исследований за рубежом (Faculty Research Abroad, FRA);
- Групповые проекты за рубежом (Group Projects Abroad, GPA);
- Семинары за рубежом (Seminars Abroad, SA) [15, р. 18].

Тренд на расширение сферы изучения иностранных языков и отдельных регионов в первой половине 1960-х годов сохранялся. Свидетельством этого выступает принятие в 1966 г. Закона «О международном образовании» (International Education Act, IEA), предусматривавшего расширение роли федеральных властей в сфере международного образования, в том числе

---

¹ Public Law 87-256. Mutual Educational and Cultural Exchange Act of 1961 // U. S. Government Publishing Office. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/STATUTE-75/pdf/STATUTE-75-Pg527.pdf> (дата обращения: 19.06.2018).

переподчинение программ Раздел VI NDEA вновь созданным структурам и создание центров по изучению проблем международных отношений, выходящих за рамки отдельных стран и регионов. Главной же целью данной законодательной инициативы было расширение числа участников программ федерального финансирования. Однако средств для реализации поставленных в IEA целей выделено не было, и частично данные предложения были включены в программы Раздела VI NDEA при повторных утверждениях [16, р. 24]. В целом же можно констатировать, что установленная рассмотренными законодательными актами система подготовки специалистов в области иностранных языков и зарубежного регионоведения была направлена на реализацию конкретных кадровых потребностей правительства США в конце 1950-х и в 1960-е гг., а созданный Законом Фулбрайта-Хейза зарубежный компонент программы был направлен на закрепление позиций высшего образования в качестве политического, экономического и культурного ресурса для стран, представлявших интерес для Вашингтона.

Этап расширения и развития программ Раздела VI NDEA, соотносимый с 1960-ми гг., в начале следующего десятилетия сменился более критическим отношением со стороны Белого дома. В начале 1970-х годов администрацией президента Р. Никсона была предпринята первая из нескольких попыток сократить финансирование данных программ и в конечном счете закрыть их. Академическое сообщество восприняло данную инициативу резко критически. На сторону ученых встали и работающие в администрации президента представители академического сообщества, в особенности Г. Киссинджер и Д. Мойнихэн. Объединив усилия с президентами университетов, они сумели убедить Р. Никсона изменить свое отношение к программам Раздела VI NDEA [16, р. 24].

Первоначальный акцент программ на изучении иностранных языков и регионов их употребления был расширен за счет учета интересов бизнеса, международных организаций и других акторов формирующейся глобальной экономической системы. В связи с этим и программы Раздела VI с 1980 г. получили официальное название Программ международного образования [14, р. 4], и основной характеристикой их дальнейшего развития становится дробление в соответствии со спецификой поставленных задач. Так, в 1988 году в содержание Части В в качестве отдельной программы были включены Центры международного бизнес-образования (Centers for International Business Education), в 1992 г. стартовала программа Американских зарубежных исследовательских центров (American Overseas Research Centers) для стимулирования обмена опытом в сфере лингвистики и регионоведения. Также к Программам международного образования Раздела VI была добавлена Часть С, которая учреждала Институт международной

публичной политики (Institute for International Public Policy), деятельность которого была направлена на увеличение количества представителей различных меньшинств в сфере международной службы, включая международные волонтерские организации и службы иностранных дел Госдепартамента США.

Негативным фактором, сказывавшемся на развитии программ в этот период стал развивавшийся на протяжении 1970–1980-х гг. внутренний конфликт внутри ассоциируемого с ними сообщества. Его главной характеристикой стали противоречащие друг другу предложения по поводу перспектив развития Программ международного образования, с которыми разрозненные группы попеременно обращались к Конгрессу. Долгосрочным результатом данного конфликта стала эрозия общего финансирования. Так, несмотря на увеличение общего финансирования программ Раздела VI НЕА с 34,7 млн долларов в 1990 г. до 54,5 млн долларов в 1997 г., фонд программ Фулбрайта-Хейза фактически остается стабильным в пределах 5 млн долларов. При этом, если сравнивать финансирование программ в 1967 г. и в 1995 г. с учетом инфляции, реальное финансирование сократилось на 45 % по трем оригинальным программам Раздела VI НЕА и на 56 % по программам Фулбрайта-Хейза [16, p. 21].

Преодоление указанного внутреннего конфликта и вызванных им последствий связывают с деятельностью Национальной ассоциации государственных университетов и колледжей (National Association of State Universities and Land-Grant Colleges). В 1990 году, накануне очередного решения о продлении действия Программ международного образования, эта организация смогла выработать консолидированную позицию среди своих членов по вопросу перспектив рассматриваемых программ. В итоге многочисленных переговоров и компромиссов еще 17 ассоциаций высших учебных заведений, аффилированных с программами Раздела VI или Закона Фулбрайта-Хейза, объединились в Коалицию за международное образование (Coalition for International Education), функционирующую в качестве неформальной платформы для достижения консенсуса по вопросам функционирования данных программ [16, p. 19]. Однако данные меры не смогли предотвратить утрату Программами международного образования статуса приоритета для национальной образовательной системы. Так, в докладе сотрудников Национального центра иностранных языков Мэрилендского университета, подготовленном для Департамента образования в 2000 г., указывалось, что многие федеральные агентства «не могут или не желают» поддерживать должный уровень владения малораспространенными иностранными языками, особенно если это требует ежегодных затрат из бюджета [14, p. 80], в то время как потребности различных государственных структур в специалистах

по переводу охватывали 140 иностранных языков [14, p. 91–92]. Снижение уровня внимания к Программам международного образования имело свою проекцию и на вопросы национальной безопасности. Так, в заявлении Постоянного комитета Палаты представителей Конгресса по разведке, сделанном в 1997 г., констатировалось, что разведывательное сообщество США столкнулось с проблемой некомпетентности сотрудников, не обладающих достаточными языковыми навыками и знаниями о странах их употребления¹.

Ситуацию изменили события 11 сентября 2001 г., заставившие федеральное правительство вновь обратить внимание на более качественную подготовку специалистов по отдельным языкам и регионам их распространения. Был пересмотрен и перечень «критических языков», важнейшими из которых были теперь определены арабский, китайский, хинди и центральноазиатские языки, следующую группу по приоритетности составили корейский, японский, русский, фарси и турецкий языки [15, p. 30]. Однако усиление языковой подготовки планировалось администрацией Дж. Буша-младшего в первую очередь в рамках новой, выдвинутой им Национальной инициативы языковой безопасности (National Security Language Initiative, NSLI), которая должна была обеспечить соответствующими кадрами структуры Госдепартамента, Департамента обороны, ЦРУ и Департамента образования, выступая, таким образом, конкурентом Программ международного образования. Данная инициатива не нашла поддержки и профинансирована не была. В итоге на эти цели были переориентированы ресурсы других федеральных агентств [15, pp. 5–6]. Но, несмотря на провал NSLI, вопрос о повышении уровня управляемости Программами международного образования оставался открытым и был вновь поднят накануне очередного продления их финансирования, запланированного на 2004 год. После слушаний по этому вопросу в 2003 г. был предложен проект учреждения консультативного совета, который выполнял бы координирующие функции для рассматриваемых программ, но и этот проект был отклонен.

Сразу же после 11 сентября 2001 г. бюджет Программ международного образования был увеличен. В 2001 году финансирование программ Раздела VI было увеличено на 8%, а программ Фулбрайта – Хейза – на 50 %. В 2002 году финансирование было увеличено на 27 % и на 18 % соответственно, а в 2003 г. на 10 % для обеих составляющих. Выделенное дополнительное финансирование было направлено департаментом образования на изучение отдельных территорий и языков, расширение количества стипендиатов FLAS и учреждение новых языковых центров [15, pp. 33–34]. Тенденция к увеличению финансирования сохранялась на протяжении первой декады XXI века. К 2006 году фонд Института публичной политики

¹ Pincus W. Intelligence Community Faulted by House Panel // Washington Post. 1997. June 19.

составил 1,6 миллионов долларов, еще 9 программ Раздела VI располагали бюджетом в 91,5 миллионов долларов и 4 программы Фулбрайта – Хейза – 12,6 миллионов долларов [15, р. 31]. Во второй декаде финансирование сокращается. По данным Коалиции, за международное образование с 2011 г. финансирование программ сокращается. Так, если в 2010 году оно составляет 125,9 миллионов долларов (110,3 – программы Раздела VI и 15,6 – программы Фулбрайта – Хейза), то к 2015 г. его объем составил 72,2 миллиона долларов (65,1 – программы Раздела VI и 7,1 – программы Фулбрайта-Хейза) [17]. Сегодня, в сравнении с предшествующими годами, количество Программ международного образования сократилось с 14 до 10 (7 программ Раздела VI и 3 программы Фулбрайта – Хейза¹), и они находятся в ведении Управления международного образования и иностранных языков (International and Foreign Language Education, IFLE). Их общий бюджет в 2017 г. составил 71 миллион долларов².

С точки зрения обеспечения национальных интересов значение Программ международного образования рассматривается в краткосрочной и долгосрочной перспективах. В краткосрочной перспективе программы направлены на быструю ликвидацию дефицита кадров соответствующей квалификации в федеральных структурах. В долгосрочной перспективе национальные интересы более обширны и заключаются в необходимости формирования и развития потенциала для удовлетворения возникающих потребностей национальной безопасности, сохранения конкурентоспособности на мировых рынках, сохранения научно-технического преимущества [15, р. 18]. При этом, если в решении задач краткосрочной перспективы правительство опирается и на другие свои ресурсы, такие как Институт иностранной службы и Военный институт иностранных языков Департамента обороны, то для задач по обеспечению долгосрочных целей Программы международного образования остаются наиболее универсальным инструментом, поскольку именно с их помощью создается круг специалистов по отдельным регионам, позволяющий адекватно реагировать на изменение внешнеполитической конъюнктуры.

Суммируя вышесказанное, можно констатировать, что инициированные в 1958 г. Программы международного образования стали эффективным инструментом обеспечения долгосрочных интересов США в мире за счет создания базы специалистов по отдельным странам и регионам, представляющим интерес для Вашингтона в зависимости от внешнеполитической

---

¹ International and Foreign Language Education // U. S. Department of Education. URL: <https://www2.ed.gov/about/offices/list/ope/iegps/index.html#programs> (дата обращения: 19.06.2018).

² IFLE Awards Over \$71 Million in FY 2017 Grants to Strengthen International Studies, World Language Training and Global Experiences for Educators and Students // U. S. Department of Education. URL: <https://www2.ed.gov/about/offices/list/ope/iegps/news.html> (дата обращения: 19.06.2018).

ситуации. Междисциплинарность подходов, реализуемых в рамках программ, обеспечивает комплексную подготовку указанных специалистов для различных федеральных служб и агентств. Индикатором приоритетности программ для федерального правительства, определяемой текущей ситуацией в мире, является объем выделяемого данным программам финансирования. Несмотря на возникающие в процессе их реализации проблемы, обусловившие попытки закрытия Программ международного образования и выдвижение альтернативных проектов, они и сегодня остаются главным элементом реализации специфических потребностей национальной безопасности США в сфере аналитического обеспечения внешнеполитической деятельности правительства.

Список литературы

1. Журбей Е. В. «Институт Брукинга»: история успеха старейшего «мозгового центра» США // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 2 (41). С. 156–168. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29674918> (дата обращения: 19.06.2018).
2. Запрягаев С. А. Системы высшего образования России и США // Вестник Воронежского государственного университета. 2001. № 1. С. 39–47.
3. Исследовательские университеты США: механизм интеграции науки и образования / под ред. В. Б. Супяна. М.: Магистр, 2009. 315 с.
4. Кобринская И. Я. «Мозговые тресты» и внешняя политика США. М.: Междунар. отношения, 1986. 64 с.
5. Кочетков Г. Б., Супян В. Б. Ведущие «мозговые центры» США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2010. № 6 (486). С. 81–94.
6. Нелина Л. П. Латиноамериканские исследования в США: структура, становление, направления исследований // Вісник СевНТУ: зб. наук. праць. Серія: Політологія. 2011. № 123. С. 77–82.
7. Неліна Л. П. Латиноамериканські дослідження у США як основа аналітичної розробки політики у регіоні: напрями та фінансування досліджень // Дослідження світової політики. Зб. наук. праць / Ін-т світової економіки і міжнародних відносин НАН України. 2011. № 4 (57). С. 190–198.
8. Николаев Б. В., Павлова Н. А. Современные тенденции развития высшего образования в США. Пенза: Пензенский гос. ун-т, 2017. 182 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35035828> (дата обращения: 19.06.2018).
9. Павлова Н. А. Система высшего образования в США в 80–90-е гг. XX века. Пенза: Издательство Пензенского государственного университета, 2013. 197 с.
10. Павлова Н. А., Николаев Б. В. Высшее образование в США: теоретические основы и тенденции развития // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. С. 213–216. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23057137> (дата обращения: 19.06.2018).
11. Самуйлов С. М. Внешнеполитический механизм США: основы и современное реформирование. М.: Ин-т США и Канады РАН, 2013. 315 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29317013> (дата обращения: 19.06.2018).
12. Теленьга М. П. Эволюция «Мозговых центров» в рамках внешней политики США (XX в.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 4-1. С. 87–91. DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-00-00
13. Фоминых А. Е. «Мягкая мощь» обменных программ // Международные процессы. 2008. Т. 6. № 16. С. 76–85.

14. Brecht R. D., Rivers W. P. Language and national security in the 21 st century: The role of Title VI/Fulbright-Hays in supporting national language capacity / National Foreign Language Center. Dubuque: Kendall/Hunt Publishing Company, 2000. 227 p.

15. International Education and Foreign Languages: Keys to Securing America's Future / National Research Council, Committee to Review the Title VI and Fulbright-Hays International Education Programs; Ed. by M. E. O'Connell, J. L. Norwood. Washington: The National Academies Press, 2007. 415 p.

16. International Education in the New Global Era: Proceedings of a National Policy Conference on the Higher Education Act, Title VI, and Fulbright-Hays Programs / ed. by: J. N. Hawkins, C. M. Haro, M. A. Kazanjian, G. W. Merckx, D. Wiley. Los Angeles: International Studies and Overseas Programs, University of California, 1998. 250 p.

17. Kazanjian M. A. International Education Programs U. S. Department of Education Programs to Strengthen America's Education in Foreign Language and International Studies. URL: <https://languagepolicy.org/wp-content/uploads/2015/05/Title-VI-Fulbright-Hayes-FY216-funding.pdf> (дата обращения: 19.06.2018).

18. McDonnell L. M., Berryman S. E., Scott D., Pincus J., Robyn A. Federal Support for International Studies: The Role of NDEA Title VI // Rand Corporation. Santa Monica, 1981. 201 p.

19. McDonnell, L. M., Stasz C., Madison R. Federal Support for Training Foreign Language and Area Specialists. The Education and Careers of FLAS Fellowship Recipients // Rand Corporation. Santa Monica, 1983. 191 p.

Статья поступила в редакцию 20.07.2018 г.; принята к публикации 20.08.2018 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Об авторе

Нелина Лариса Павловна

кандидат политических наук, доцент кафедры «Политология и международные отношения», Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ORCID: 0000-0001-9975-8628, larisanelina@gmail.com

---

Federal International Education Programs as an element of ensuring US National Security

L. P. Nelina

The article analyzes the main stages of the formation of the International Education Programs as the foundation of the system of analytical support for the US government foreign policy. The successful launch in the USSR of Sputnik in 1957 led to the establishment of a consensus between Congress and President D. Eisenhower on the issue of the close interrelation of the spheres of national security and education. It was implemented in National Defense Education Act (NDEA) of 1958. Title VI NDEA ensured the creation of a number of national programs aimed at expanding the scope of instruction foreign languages (primarily the “critical languages” determined by the government). The programs also included an in-depth study of culture, economics, history, and the socio-political sphere corresponding to these languages of the world's regions. In 1961, accordingly to the Fulbright-Hayes Act, the programs of Title VI NDEA were

supplemented by a foreign component. Its task was to activate international cultural, technical and educational exchange, including in the field of instruction foreign languages and area studies. These acts as a whole formed the basis of the International Education Programs, which later expanded to reflect the foreign policy and foreign economic conditions. The value of these programs is to provide personnel with appropriate language and area studies competencies for various government structures, business and international public organizations. In the long term, the International Education Program make it possible to ensure national interests in the field of national security, preservation of competitiveness in world markets, scientific and technical advantages.

Keywords: NDEA, International Education Programs, Title VI/FH programs, “critical languages”, US higher education, US national security.

Citation for an article: Nelina L. P. Federal International Education Programs as an element of ensuring US National Security. *West – East*. 2018, no. 11, pp. 118–130. DOI: 10.30914/2227-6874-2018-11-118-130

References

1. Zhurbey E. V. «Institut Brukingsa»: istoriya uspekha stareishego «mozgovogo tsentra» SSHA [The Brookings Institution: the success story of the oldest "think tank"]. *Oykumena. Regionovedcheskiye issledovaniya* = Ojkumena. Regional Researches, 2017, no. 2 (41), pp. 156–168. (In Russ.).
2. Zapryagaev S. A. Sistemy vysshego obrazovaniya Rossii i SSHA [Higher Education Systems of Russia and the USA]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* = Proceedings of Voronezh State University, 2001, no. 1, pp. 39–47. (In Russ.).
3. Issledovatel'skiye universitety SSHA: mekhanizm integratsii nauki i obrazovaniya [US research universities: a mechanism for the integration of science and education]. Ed. by V. B. Supian. Moscow, Magistr, 2009, 315 p. (In Russ.).
4. Kobrinskaya I. Ya. «Mozgovye tresty» i vneshnyaya politika SSHA [“Brain trusts” and US foreign policy]. Moscow, Mezhdunarodnyye otnosheniya, 1986, 64 p. (In Russ.).
5. Kochetkov G. B., Supian V. B. Vedushchiye «mozgovye tsentry» SSHA [Leading American Think Tanks]. *SSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* = USA v Canada: Economics – Politics – Culture, 2010, no. 6 (486), pp. 81–94. (In Russ.).
6. Nelina L. P. Latinoamerikanskije issledovaniya v SSHA: struktura, stanovlenie, napravleniya issledovaniya [Latin American studies in the US: structure, growing, directions of research]. *Visnyk SevNTU: zbirnyk naukovykh prats'*. Seriya: *Politologiya* = Journal of the Sevastopol National Technical University. Series: Political Science, 2011, no. 123, pp. 77–82. (In Russ.).
7. Nelina L. P. Latynoamerykans'ki doslidzhennya v SSHA yak osnova analitychnoyi rozrobky polityky u rehioni: napryamky ta finansuvannya doslidzhen' [Latin American studies in the US as a basis for policy analysis in the region: the directions and funding of research]. *Doslidzhennya svitovoyi polityky. Zbirnyk naukovykh prats'* = World politics research. Collection of scientific works, 2011, no. 4 (57), pp. 190–198. (In Ukr.).
8. Nikolaev B. V., Pavlova N. A. Sovremennye tendentsii razvitiya vysshego obrazovaniya v SSHA [Contemporary trends in the development of higher education in the United States]. Penza, Penza State University, 2017, 182 p. (In Russ.).
9. Pavlova N. A. Sistema vysshego obrazovaniya v SSHA v 80–90-ye gg. XX veka [The system of higher education in the USA in the 80's and 90's. of the twentieth century]. Penza, Penza State University, 2013, 197 p. (In Russ.).

10. Pavlova N. A., Nikolaev B. V. Vysshee obrazovanie v SSHA: teoreticheskie osnovy i tendentsii razvitiya [Higher education in the United States: the theoretical foundations and development trends]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015, no. 1. pp. 213–216. (In Russ.).

11. Samuylov S. M. Vneshnepoliticheskii mekhanizm SSHA: osnovy i sovremennoe reformirovanie [US Foreign Policy Mechanism: Fundamentals and Contemporary Reform]. Moscow, Institute of the USA and Canada studies of the RAS, 2013, 315 p. (In Russ.).

12. Telenga M. P. Evolyutsiya «mozgovykh tsentrov» v ramkakh vneshney politiki SSHA (XX v.) [The evolution of “think tanks” in the U. S. foreign policy making (XX century)]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* = Historical and social-educational ideas, 2016, vol. 8, no. 4-1, pp. 87–91. DOI: 10.17748/2075-9908-2015-7-6/1-00-00. (In Russ.).

13. Fominykh A. E. «Myagkaya moshch'» obmennykh programm [“Soft” Power of Exchange Programs]. *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], 2008, vol. 6, no. 16. pp. 76–85. (In Russ.).

Submitted 20.07.2018; revised 20.08.2018.

The author has read and approved the final manuscript.

About the author

Larisa P. Nelina

Ph. D. (Political sciences), Associate Professor of the Department of Political Science and International Relations”, Sevastopol State University, Sevastopol, ORCID: 0000-0001-9975-8628, larisanelina@gmail.com